

Семинары для государственных служащих различаются не темами, а количеством потраченного зря времени. Людка, моя приятельница, философски дремлет за соседним столиком («Солдат спит, служба идёт»), а я извелась, на часы поглядывая. Когда вчера торопилась в Феодосию, у Татьяны температура в градуснике до тридцати восьми подпрыгивала, и она ещё на работу собиралась. Двадцать два года исполнилось, а психология прилежной школьницы: «Что подумают, если не придут?!» Маленькие дети — маленькие хлопоты, большие... Всё, закончились занятия.

— Люда,— подбежала к подруге.— Поеду домой. Мало ли что с дочкой!

— Завтра две лекции. И фуршет обещают. К тому же,— Людка лукаво на меня посмотрела,— Сергей Иванович и Владимир Николаевич нас на вечерний коньяк пригласили, не забыла?

— Ну их! Скажешь: мне плохо стало. Или ещё что-нибудь придумаешь.

— Ох, Наташка, Наташка! Неправильно ты к своей жизни относишься, не умеешь её украшать!

Да уж, в сорок пять лет, при сбежавшем к молодой секретарше муже — два года как «бывшем», остаётся только сидеть по вечерам на балконе и напевать: «Я стою у ресторана, замуж поздно, сдохнуть рано». И ждать, когда дочка согласится на предложение Витюшки и осчастливит меня парой внуков.

Подхватив вещевую сумку, предусмотрительно забранную из гостиницы, чмокнула Людку в щёчку, выскочила на улицу и остановилась в раздумье: чем добираться? Автобусом надёжнее, но автостопом быстрее. А если попадётся

водитель-джентльмен, то можно бесплатно проехать, что при моём скудном бюджете весьма существенно.

Вначале троллейбусом, потом пешком выбралась за город, на развилку окружного шоссе, и вскоре топталась на обочине, голосуя попуткам. День выдался неудачным: минут двадцать я напрасно размахивала руками, обиженным взором провожая проносящиеся машины, пока рядом не остановились потрёпанные «Жигули» первых моделей.

— Попутчицей возьмёте? — открыв дверцу, улыбнулась я сидевшему за рулём мужчине. — Мне в Белогорск надо.

— Садитесь, — окинув меня оценивающим взглядом, сказал водитель. — Довезём куда надо.

В его голосе мне послышалась издёвка, но мало ли что может слышаться, и я, не раздумывая, юркнула на заднее сиденье. Пристроив в ногах сумку, с удовлетворением понаблюдала, как остаётся позади Феодосия, и начала коситься на тех, с кем предстояло провести ближайшие полтора часа. Водитель, вероятно, находился со мной в одном возрасте, сидевшему рядом с ним парню вряд ли перевалило за тридцать, а мужичонка по соседству наверняка готовил документы на пенсию. В общем, как говорил булгаковский Воланд о своей свите, общество небольшое, смешанное и бесхитростное, и единственное, что не понравилось, — исходивший от них алкогольный запах. Впрочем, пусть с ними ГАИ разбирается, а я как-нибудь потерплю.

— В гости едете или по делу? — спросила я.

Путешествия автостопом научили меня, что водители разделяются на две категории: болтуны, которых нужно развлекать беседой, и молчуны, предпочитающие немых пассажиров.

— Так, странствуем и путешествуем, — неопределённо ответил водитель. — А вы здесь как оказались?

Я рассказала о причинах, забросивших меня в Феодосию, о больной дочке.

— Понятно, — произнёс водитель и, бросив на меня взгляд, добавил: — Что ж, вы нас устраиваете.

— В каком смысле? — удивилась я, подумав, что опять что-то в его тоне мне не понравилось.

— В смысле попутчицы, — засмеялся водитель, и вслед за ним одобрительно загоготали парень и мужичонка.

Я не выношу унижения. Помню, когда на уроке в девятом классе учительница математики мерзко пошутила по

поводу моих математических способностей, я встала и вышла, и даже её извинения не вернули меня в это здание, и доучивалась я, топая по утрам в школу на окраине города. А муж... Когда я, неудачно вернувшись из командировки, обнаружила в нашей спальне его с обнажённой дивой, я осталась не только без мужа, но и без супружеской кровати, которую вышвырнула вслед за ним. И сейчас какие-то хамы...

— Остановите машину, я выйду, — зло произнесла я.

— Неужели обиделись? — водитель с интересом посмотрел на меня. — Примите извинения: мои и вот этих.

Водитель небрежно кивнул головой в сторону парня и мужичонки, трусливо втянувших голову в плечи.

«Понятно, кто тут главный», — подумала я, решив до конца пути молча любоваться мелькающими за окошком картинками.

Проехав Насыпное, водитель увеличил скорость. «Если он так и будет ехать, то часа через полтора окажусь дома», — размышляла я, представляя, как обрадуются Татьяна и кошка Василиса, особенно когда угощу их купленными в Феодосии лакомствами. Замечтавшись, не сразу обратила внимание, что машина свернула с главного шоссе на дорогу, ведущую в Кировское.

— Куда вы? — изумлённо вскрикнула я. — Мне в Белогорск надо.

— Доедем туда, но позже, — ухмыльнулся водитель. — А пока в этой стороне кое-какие дела уладим.

— Остановите машину! — закричала я.

Водитель послушно нажал на тормоз. Но не успела я открыть дверцу, как парень выскочил из машины и уселся рядом.

— Что вы себе позволяете? — рассерженно воскликнула я. — Пропустите меня.

В ответ парень ударил меня локтем в солнечное сплетение. От боли я потеряла сознание, а когда очнулась, машина быстро бежала по трассе.

— Что происходит? — я никак не могла прийти в себя. — Что вам надо? Выпустите меня!

— Закрой рот и сиди смирно! — парень толкнул меня в бок.

— Вам нужны деньги? В кошельке семьсот рублей, возьмите их, только отпустите.

— Деньги оставьте себе,— презрительно произнёс водитель.— Мы с женщин другую плату берём. Сейчас приедем в нашу хижину, позабавимся пару часов, а потом отвезём вас в Белогорск. И нам хорошо, и вы не в убытке.

«Вляпалась! — пронеслось в сознании.— Доездилась автостопом».

Я как-то читала, что жертва преступления на сорок-шестьдесят процентов виновна в том, что стала жертвой, поскольку своим поведением спровоцировала преступника. И сейчас...

— Вы что, ни Бога, ни полиции — ничего не боитесь? — спросила я, ещё не веря, что то, о чём не раз читала и слышала, сейчас случится со мной.— Я заявление в прокуратуру напишу.

— И что? — водитель насмешливо повернул голову.— Мы дружно объясним, что вы сами навязались. Только опозоритесь.

Я вспомнила свою бывшую одноклассницу Никитину, изнасилованную на ночной улице пьяным грузином. Прокуратура даже не довела дело до суда, поскольку в нужном месте не оказалось синяков, трусы были не порваны и она зря помылась, уничтожив необходимые для экспертизы доказательства. Муж, к счастью, её не бросил, а вот из города пришлось уехать.

Я посмотрела на мужичонку и парня: они сидели, нагло ощупывая меня глазами, готовые в любой момент схватить за руки или ударить,— и поняла, что мне действительно предстоит пройти через самое большое унижение, испытываемое в этой жизни женщинами.

«Только бы дочь не узнала! — пронеслось в голове.— Что угодно, только не это... Боже милостивый, дай силу всё вынести!»

Машина свернула с трассы на узкую просёлочную дорогу, и надежда на невероятный случай — ГАИ остановит или ещё что-то — окончательно померкла. Ветки деревьев наклонялись к машине, сопровождая меня в траурном шествии. Я всматривалась в них, в медленно проплывающий пейзаж, словно это были последние мгновения жизни и нужно хорошо всё запомнить, чтобы унести с собой, потому что Наташа, едущая сейчас в машине, и та, изнасилованная мерзавцами, будут разные люди с одинаковым именем, и я зарыдала, не сумев сдержать слёз, потому что была всего лишь слабой женщиной, одной из тех, кого веками попирали и унижали мужчины.

— Ладно раскисать! — хмуро бросил водитель. — Убудет тебя, что ли?! Другая бы радовалась...

— Вот и пригласили бы такую! — вытирая платочком слёзы, зло сказала я. — Нашли над чем шутить! А если бы вашу сестру, мать или дочь так везли?

Смутились, а те, что рядом, даже отодвинулись.

— Может, в самом деле?! — нерешительно произнёс мужичонка.

— Но-но, не забивай голову!! — сплюнув в открытое окошко, крикнул водитель. — Они для того и созданы. Чем горше бабьи слёзы, тем слаще их любовь.

«Бойтись авторитет потерять», — поняла я и, перестав плакать, храбро заявила:

— Я не в прокуратуру напишу, а тем близким вам людям, которыми вы дорожите. Найду и всё о вас сообщу.

— Испугала! — развеселился водитель. — Ещё моралью упрекни!

Веселился он один: остальные поскучнели и отвернулись к окошкам. Если бы я начала драться или оскорблять, то оказалась врагом, которого необходимо победить и расгоптать; беседой я вошла в их сознание равной.

Машина выехала на примыкающую к яблоневому саду поляну с деревянным домиком, грудой пустых и наполненных яблоками ящиков, уборной в отдалении. «Они сторожá, оказывается», — поняла я.

— Вот и наша хижина! — затормозив, удовлетворённо сказал водитель. — Прошу, мадам!

Вслед за парнем я вылезла из машины и осмотрелась, оценивая шансы на побег. Пахота, сорняки... Догонят через несколько минут. А кричать... Вряд ли поблизости найдётся Дон-Кихот верхом на Росинанте, но вдруг в саду кто-нибудь работает?

— Люди! — заорала я. — Помогите!

Мерзавцы загоготали.

— Нет здесь людей, мадам! — объяснил водитель. — Только голос надорвёшь. Лучше туалетом воспользуйся и в дом проходи. Раньше начнём — раньше кончим.

Мерзавцы опять рассмеялись.

Сопровождаемая парнем, я посетила туалет и зашла в дом. Маленькая кухня, обширная комната с тремя

кроватями, на которых валялись скомканные постели, шкаф, стол, несколько табуреток.

— Мне помыться надо,— сказала я, пытаюсь отыскать взглядом нож.

— Конечно! Проходи на кухню. Только вначале всё режущее и колющее оттуда уберу, чтобы у тебя глупые идеи не появились.

«Догадался!»

Честно говоря, я не знала, что буду делать с ножом, окажись он в моих руках. Ударить кого-то? Я курицу ни разу не зарезала. И рассчитывала только, что хватит мужества себя поранить: не будут же они меня полумёртвую насиловать!

— Впрочем,— водитель покачал головой. В доме находились только я и он, остальные остались на дворе.— Я, пожалуй, всё сюда принесу, здесь помоешься. От тебя всего можно ожидать: впервые вижу бабу, которая так своей,— он произнёс нецензурное слово,— дорожит.

— Я честью своей дорожу.

— Честью...— водитель словно поперхнулся, потом молча вынес из кухни ведро с водой, тазик и полотенце.

— Отвернитесь!

— Зачем?! — пожал плечами водитель.— Всё равно сейчас породнимся.

— Тогда дайте водки.

Удивлённо посмотрев на меня, водитель достал из шкафа бутылку «Столичной» и наполнил стакан. Я выпила его одним махом, словно воду.

Спиртное я пью редко, предпочитая вино или коньяк. К сорокаградусной не притрагивалась совсем, но сейчас... Только водка делает людей равнодушными ко всему, утверждая, что всё в жизни одинаково и главное не отличается от мелочей.

— Полегчало?

Странно, но в его голосе послышалось сочувствие.

Не отвечая, я разделась, разместив одежду на табуретке; помылась, повернувшись к водителю спиной. Водка начала отуманивать сознание, превращая окружающее в расплывчатое, незначительное.

Аккуратно повесив на гвоздь полотенце, я, сдерживая готовые вырваться слёзы, обернулась к водителю:

— Прошу об одном.

Водитель насторожился.

— Положите меня на свою постель.

Несколько мгновений он смотрел на меня, словно впервые увидел, потом, отвернувшись, зло произнёс:

— Чёрт! Я слишком тебя запомню!

Подойдя к табуретке, взял одежду и сунул мне в руки:

— Одевайся!

И вышел из домика.

Несколько мгновений я стояла, не понимая, что случилось, потом медленно оделась и выбралась во двор.

— Садитесь! — мужичонка распахнул дверцы машины. — Домой вас отвезёт. Извиняйте: мало ли чего бывает!

Ещё не веря, опасаясь, что надо мной издеваются и сейчас всё начнётся сначала, я осторожно протиснулась на заднее сиденье. Дверца захлопнулась, машина тронулась с места.

В «хэппи-энд» я поверила только тогда, когда машина, миновав развилку, повернула в сторону Белогорска. К тому времени водка сморила меня окончательно: я заплакала, растирая слёзы по щекам, и так в слезах и уснула.

— Проснитесь! Куда теперь?

Я открыла глаза, ошеломлённо глядя на трясшего меня за плечо водителя, посмотрела в окошко: машина стояла у въезда в Белогорск.

— Где ваш дом?

— Да, конечно! Поезжайте вот так.

Минут через десять мы оказались неподалёку от моей многоэтажки.

— Разрешите, я выйду здесь.

Водитель оглянулся, невесело усмехнулся:

— Понимаю. Не бойтесь: в гости не собираюсь.

Остановив машину, он помог мне выбраться, подал сумку и глухо сказал:

— Знаете, если бы в молодости рядом со мной оказалась такая, как вы, я бы горы своротил. А так...

Обречённо махнув рукой, он сел в машину и, развернув её, помчался прочь. Кинув вслед равнодушный взгляд, я взяла сумку поудобнее и побрела домой, думая о том, что об этой истории никогда и никому не расскажу. Как и сотни других, изнасилованных.